

Правая опасность в области искусства¹

За борьбу против извращений большевистской линии! За борьбу на два фронта — против правых и «левых» оппортунистов! За преодоление уклонов в практической работе!

Недавно на страницах «Правды» своевременно был поставлен вопрос об имеющемся у нас злоупотреблении термином «правая опасность» в приложении к искусству. В «Правде» указывалось на недопустимость механического перенесения терминов, связанных с внутрипартийными разногласиями, в область искусства, и вносилось правильное предложение об уточнении, конкретизации тех явлений, которые у нас иногда покрываются сплошным термином «правая опасность»: надо говорить о мелкобуржуазных, буржуазных и прочих явлениях в искусстве и, в частности, в художественной литературе. Это совершенно верно.

Значит ли это, однако, что вообще мы должны отказаться от употреблений термина «правая опасность» в применении к делам литературным? Нет, конечно. Термин должен быть только уточнен. Говоря о правой опасности в литературе, мы говорим о тех оппортунистических, мещанско-обывательских, чуждых большевизму тенденциях, которые проявляются в нашей критике, в работе наших редакций и журналов, высоких и менее высоких учреждений, коим надлежит по-большевистски заниматься вопросами тех или иных искусств, в деятельности отдельных высоко-ответственных и менее ответственных товарищей, поставленных партией и властью для работы в искусстве. Здесь термин «правая опасность» вполне законен, сюда он приложим так же, как ко всем тем явлениям, для

¹ «На Литературном Посту», № 4—5, февраль 1929 г. (Прим. ред.)

борьбы с которыми мобилизуются сейчас партии и вся советская общественность.

Каждая сколько-нибудь серьезная трудность, переживаемая страной, неизбежно паникерски воспринимается отдельными звеньями рабочего класса, связанными с мелкой буржуазией, отсюда эти построения проникают и в отдельные звенья партии. Так рождаются «левая» и правая опасности. Тем, кому все еще не ясно, что социальная база у «левых» и правых передатчиков мелкобуржуазных настроений, по существу, одна и та же, не мешало бы прислушаться к тому, что говорит о «левых» и правых наш классовый враг. Очень очень поучительна бывает правда классового врага! В последнем номере «Социалистического Вестника» уделил свое просветительное внимание вопросу о «левых» и правых не очень умный, но расторопный и понятливый классовый враг—Ф. Дан. Ф. Дан с глубоким удовлетворением констатирует наличие очень многих «здоровых элементов» в троцкистской платформе. В платформе наших правых уклонистов Дан также усматривает много «здоровых элементов», и в отношении к ним он также выражает свое сочувствие.

Так говорит Ф. Дан, и в этих его рассуждениях мы тоже, со своей стороны, готовы признать известное количество «здоровых элементов». Как убедительно подтверждают они правильность большевистской установки на одновременную борьбу на два фронта, ударением в каждый данный момент на том, что наиболее опасно!

В частной области искусства мы можем найти немало подтверждений этого, ставшего уже азбучно-ясным положения о единой мелкобуржуазной сущности «левой», напыщенно громкой фразы, и правых откровенно оппортунистических настроений. И здесь, в частности в литературе, столько самых «неожиданных» для обывателя блоков между такими, казалось бы, непримиримыми «врагами»! Что может быть показательнее кокетства Горбова с группой «левых» рапповцев? Что может быть убедительнее, чем то обстоятельство, что со своими статьями, направленными против линии руководства РАПП, наши «левые» идут к... Полонскому! Все эти и многие другие аналогичные явления—не что иное, как осуществление поэтической легенды о блуждающих в одиночестве двух половинках единой души, находящихся наконец друг друга.

Но «левой» фразе в литературе за последнее время явно не везет. Полная внутренняя пустота группы «левых» рапповцев обнор-

живалась ими столь часто и столь наглядно, что не осталось уже, кажется, людей (не считая самих «левых»), которым нужны были бы какие бы то ни было новые доказательства этого краха и банкротства. Люди, вся жизнь которых сводится сейчас к тому, что Ленин называл «ущемлением блохи», люди, которые живут только надеждой на то, чтобы найти опечатку в чужих статьях и постараться сделать из них принципиальные разногласия, люди, которым нечего сказать по существу сложных творческих вопросов, встающих сейчас перед пролетарским и литературным движением, — эти люди не могут, конечно, рассчитывать на какое бы то ни было внимание в их шумихе.

Пустота «левой» фразы лефовцев также разоблачена окончательно. Конечно, еще могут найтись, и, несомненно, будут находиться такие культурно-отсталые слои, которым могут еще импонировать лозунги о необходимости сбросить классиков с корабля современности, о вредности «психологизма», так же как будут находиться слои, способные увлечься вульгаризацией, цеховщиной и прочим, исходящими от родовской группы, от «Кузницы», и тому подобное. Совсем недавно в театральном отделе нашего центрального органа мы с удивлением прочли рецензию «В. Д.» на пьесу «Клоп» В. Маяковского, в которой рецензент радостно сообщает, как о величайшем достоинстве пьесы, что в ней нет «никакого психологизма». Если даже рецензенты наших ответственных органов могут делать такие ошибки, то, конечно, культурно-отсталые читательские слои еще менее гарантированы от соблазна «левой» фразы.

Но, в основном, «левой» фразе куда труднее сейчас привлекать к себе сочувствие и внимание, чем в первый период развертывания культурной революции. Кроме того, такие факты, как «блос» кучки отколовшихся от РАПП драматургов, пытавшихся демагогически критиковать линию РАПП «слева», с теми, кто давно специализировался на критике этой линии справа, — и указанные выше аналогичные факты, — имеют величайшее разоблачительское значение. Они снова и снова подтверждают, что все то, что кричит о себе, как об ультра-«левом», есть, по сути дела, правое, мещанское, мелкобуржуазное.

Отсюда и в литературе и в искусстве вообще борьба именно с правой опасностью приобретает сейчас основное, первостепенное значение.

Нужно сказать, что благодушие, терпимости у нас сейчас проявляется слишком много, гораздо больше, чем мы об этом говорим.

Только в атмосфере либеральной терпимости и благодушия могут расцветать такие, например, явления, как разоблаченные недавно безобразия в издательстве «Теа-Кино-Печать».

Еще на всесоюзном съезде пролетписателей поднимался вопрос о недопустимости терпеть долее атмосферу, создавшуюся в ГАХН. «Комсомольская Правда» заслуживает всяческого одобрения за то, что в одном из своих последних номеров она снова привлекла внимание советской общественности к ГАХН. Наш журнал уже давно ставил вопрос о чрезвычайной вредности той работы, которая предельвается советской Академией художественных наук. Сборники, выпускаемые ГАХН по вопросам искусства, наполнены отвратительным идеалистическим реакционным вздором. Кроме сборника «Литературоведение», ГАХН не выпустил почти ни одной книги, освещающей проблемы искусства с точки зрения марксизма. Едва ли не первую скрипку в ГАХН играет гражданин Шпет, довольно известный идеалист; который, надо отдать ему справедливость, в отличие от очень многих, никогда не пытался хоть чем-нибудь прибрать свою реакционную сущность. В составе академиков числятся, и не только числятся, а регулярно получают ежемесячное жалование, люди, не имеющие никакого отношения к науке. Здесь имеются бывшие кадровые офицеры,—словом, «здесь русский дух, здесь Русью пахнет». За недолгое время своего существования «Академия», созданная нами, рабочим государством, успела пропитаться этим очень крепким «духом».

То, что существуют у нас такие учреждения, очень тревожно. То, что существуют у нас «марксисты», прикрывающие работу таких учреждений, еще более тревожно. Но самое тревожное мы усматриваем не в этом, а в том, что те наши государственные органы, которым надлежит руководить работой этих учреждений, относятся к ним с снисходительным благодушием. Вот цитата из резолюции Главискусства по докладу ГАХН от 7 декабря, в которой констатируется «недостаточная увязка производственных планов и работ с основными заданиями социального строительства, с производственными учреждениями, с общественными организациями, недостаточное применение материалистического научного метода в работах учреждения».

Так расценивает Главискусство деятельность учреждения, ставшего оплотом реакционно-идеалистических, антимарксистских сил! «Недостаточная» увязка там, где следует говорить о полном отсутствии какой бы то ни было увязки! «Недостаточное применение материалистического научного метода» там, где следует говорить о более чем «достаточном» применении явно **идеалистического** метода! Воображаем, какими улыбками встретили эту резолюцию авгуры из ГАХН. Но нам это вовсе не смешно.

Мы взяли только два примера, иллюстрирующих наличие у нас оппортунистической терпимости, снисходительности и благодушия. Но не нужно добавлять, что примеры эти можно было бы умножить.

Кто сможет отрицать, что здесь мы имеем совершенно реальную правую опасность? Кто сможет подвергнуть сомнению необходимость усиления, обострения борьбы с этой опасностью?

Надо решительнее бороться с благодушием, с этим отвратительным **советским барством**, которое пустило кое-где корни. «Советский барин», «фуццирующий» в искусстве,—новый общественный тип, который нужно подвергнуть такому же осмеянию, окружить таким же общественным возмущением, каким мы окружаем бюрократа, приспособленца, подхалима, бездельника. «Советский барин» хуже простого барина, потому что если последний меценатствовал за свой личный счет, то советский барин меценатствует за счет рабочего государства. «Советский барин» добродушно похвалит какого-нибудь Булгакова с его «Бегом» или «Зойкиной квартирой», составит добренькую резолюцию в роде той, которую мы выше приводили, старательно обойдя в ней все острые углы, «советский барин» чрезвычайно почтительно отнесется ко всему, окруженному ореолом «большого имени», хотя бы оно и не представляло научной и эстетической ценности, и в то же время он отнесется с барским пренебрежением ко всему свежему, молодому, здоровому, хотя бы оно было подлинно талантливым. Советские баре носят разные личины, в том числе личину критика, с почтительным вниманием относящегося к Сергееву-Ценскому, Пильняку, Всеволоду Иванову, даже Вл. Лидину, потому что они «маститые», и замалчивающего или поругивающего таких писателей, как Ю. Олеша, М. Слонимский, А. Малышкин, потому что эти последние не «лакируют» действительность, потому что они не хотят работать на мещанина. «Советские баре» сидят в издательствах, в редакциях, в театральных отделах

газет, их не очень много, но они становятся, с одной стороны, все «добродушнее», а с другой стороны,—все «смелее».

Борьба с правой опасностью в нашей области—это, в числе прочего, и борьба с бюрократом, с чиновником от искусства. Это, главным образом, борьба с многообразным, многоликим мещанством, при чем, конечно, было бы нелепо отделять мещанство в быту от мещанства в идеологии, в искусстве. Это — борьба с либеральной терпимостью, беспринципностью, снисходительностью, благодушием. Это, в основном и главном,—борьба за большевистскую непримиримость!